

Буханова (Дубова) Светлана Дмитриевна

Помню ли я войну? Да некоторые, особенно яркие моменты периодически возникали в памяти. Было даже: несколько лет перед 22 июня вдруг охватывало чувство тревоги, даже просыпалась ранним утром, выходила на балкон и прислушивалась. Тишина, проезжают мирные автомобили, но чувство опасности не проходило. Думается, что возникло оно под впечатлением рассказа сестры. О том, что было в этот день, я просила её написать подробно. Её рассказ и правда трудно забыть. 22 июня они с мамой были в Москве по экскурсионной путевке. Им предстояло посетить Третьяковскую галерею. Вошли в залы в мирное время, а вышли Москву уже не узнать: очереди в магазинах, уйма военных. Правда суеты не было. По радио выступал Молотов. Путевка у них до 1 июля, но надо было срочно уезжать.

«Мама, - рассказывала сестра, - осталась хлопотать об отъезде, а меня отправила на теплоходе до Химок и обратно. Билеты удалось купить только на 25 июня. Ночью на 23-е всех попросили выйти из общежития, в городе слышалась стрельба. Говорили о налете на Кремль.

Потом уже, работая в музее, я встречалась с человеком из Кохмы, ветераном войны, который как бы подтвердил и продолжил рассказ сестры. В начале войны он служил в охране Кремля и рассказал мне о налете немецких самолетов и попытке взорвать Кремль. И как охрана обезвреживала бомбы, ловила диверсантов. Рассказ мне показался фантастикой, но ветеран предоставил газету «Комсомольская правда» и другие документы прошлых лет.

Пока мама и Галя сидели на вокзале, приехала наша двоюродная бабушка, Александра Николаевна Баланцева из Лосинки, с горшочком гречневой каши. «Вот мы её и ели весь день», - рассказывала Галина. В ожидании поезда мама и сестра стали свидетельницами отъезда немецкого посольства с Ленинградского вокзала, а когда сели в поезд, то по дороге на всех остановках пропускали воинские эшелоны. И были немymi свидетелями прощаний уходящих на фронт со своими родными и близкими. Из Москвы экскурсантки вернулись 26-го утром, ждали на вокзале окончания комендантского часа. Мама за папу очень волновалась. И только, когда увидела его, немного успокоилась...

О себе я помню, что болела одной из обязательных детских болезней, скарлатиной, сильно стреляло в ухо. А еще, что меня, единственную из

четверки детей отдали перед войной в детский сад. Другие были или уже взрослыми и самостоятельными. Даже брат в 41-м пошел в 1-й класс.

В саду мне очень нравилось. Я с удовольствием занималась всем, что предлагали воспитатели. Особенно любила читать стихи. На прогулке мы обязательно подходили к заборчику - смотреть на раненых: сад находился практически на территории двора школы №2, где развернули госпиталь. Раненые, слышав детские голоса, подходили к нам, вели разговоры с самыми смелыми. В сад за мной приходили те, кто был свободен. Чаще всех, это был брат. Школьники учились в разных школах в 2 и 3 смены, еще они помогали в госпитале персоналу и раненым.

Помню я мешочки с необходимым набором вещей. Их шили мама и тетя. На каждом мешочке были написаны имена и фамилии детей, возраст, адрес – на случай потери или эвакуации. Мешочки стояли наготове в коридоре у выхода. Наличие этих мер предосторожности проверяли специальные люди. Поскольку наши родители в случае объявления воздушной тревоги или возникших чрезвычайных обстоятельств, обязаны были быть на своих рабочих местах – папа в райкоме партии, мама -в школе для глухонемых детей, а тетя – в ремесленном училище, то мы- младшие брат и я -оставались под опекой старших сестер Галины и Иры...

ЮМ

30 июля 2022 г.